
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:001.8

Л. П. Киященко

Видимое и сущее – предмет художественного и научного познания (в ракурсе творческой личности)

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14–18–01833

В статье предпринята попытка рассмотреть ключевые для философского дискурса понятия «видимое» и «сущее» через призму предметности в художественном и научном познании. Показано, что, несмотря на традиционно существующее различие между этими видами познания, в современной философии культуры именно решение проблемы соотношения «видимого» и «сущего» играет ключевую роль в их сближении. Каналом связи выступает акт творческого осмысления парадоксального положения дел в процессе становления личности в культуре, достижение «невозможной возможности». Подчеркнут проектный характер этого процесса, опирающийся на синергию разнокачественных и разноуровневых его компонентов.

Ключевые слова: сущее, видимое, парадоксальность культуры, становление личности, предметность, сложность, смысл.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. P. Kiyashchenko

Visible and Real – a Subject of Art and Scientific Knowledge (in the aspect of the creative person)

In the article an attempt to consider the concepts «visible» and «real», key for a philosophical discourse, through a concreteness prism in art and scientific knowledge is made. It is shown that despite traditionally existing distinction between these types of knowledge, in modern philosophy of culture the solution of the problem of a ratio «visible» and «real» has a key role in their rapprochement. A communication channel is an act of creative judgment of a paradoxical situation in the course of formation of the personality in culture, achievement of «an impossible possibility». The design nature of this process is emphasized, relying on synergy of different qualities and split levels of its components.

Keywords: real, visible, culture paradoxicality, formation of the personality, concreteness, complexity, sense.

Надеюсь, то, о чем пойдет речь, имеет отношение, как иллюстрация, конкретизация, к обобщениям, существующим в том своде знаний, которое носит название «культурология». Одна из тематизаций конференции «Творческая личность-2016: в кадре и за кадром», для которой подготовлен этот текст (серьезная заявка на философское рассмотрение), будет конкретизирована уточнением: в ракурсе творческой личности, как отклик на основную тему нашей конференции. Хочу задержаться коротко на названии текста, потому что в нем свернут план изложения.

Я ввожу два основных тематических комплекса, из которых прорастают ответвления, состав-

ляющие их основное содержание. Первый: видимое и сущее как предмет художественного и научного познания. Обращаясь к терминологическим толкованиям понятий «видимого» и «сущего», мы попадаем в сферу философии, а в нашем ракурсе – философии культуры. В философии сущее может рассматриваться в двух аспектах – со стороны своей понятийной определенности, сущности, и со стороны своего существования. Сущность вещи выражается в определении, в ее понятии, постигаемом разумом. О существовании вещи мы узнаем из опыта. Для того, чтобы некоторая сущность получила существование, обрела тем самым видимость,

она должна стать причастной бытию посредством акта творения. Можно сказать, что сущее и видимое связываются актом творения. Рассмотрим, исходя из особенностей художественного и научного способов познания, как видимое и сущее находят в них свое выражение. Для этого кратко напомним особенности этих двух видов познания.

Традиционно принято, что предметы художественного и научного познания различны и имеют следующие особенности. Если кратко, то предмет художественного познания, как правило, имеет уникальную сущность, которую характеризуют непосредственный, субъективный, образный строй выражения и явные следы творца. Художественный образ наиболее зримо проявляется в формах мышления в искусстве, постигающем органическое слияние интеллектуального и чувственного начал, и является зримым воплощением идеи (сущности). Чертами художественного образа, как известно, являются метафоричность, ассоциативность, многозначность, оригинальность. Образы различаются по своей масштабности и простираются до макрообразов, к которым относят все. В качестве форм художественного познания, как известно, следует рассматривать также метафору и символ. Художественное познание осуществляет постижение мира, выраженное формулой древнеиндийской философии «Все во Всем», когда, основываясь на понимании глубинного тождества и взаимосвязи всех вещей, какой-либо фрагмент бытия можно считать правомерным заместителем целого.

Установлено, что подобное свойство художественного познания можно пояснить голографической природой его основных элементов – метафор и символов, важнейшей характеристикой которых является неразрывное слияние в них смысла и образа. Так, к числу наиболее интересных свойств голограмм относится распределенность, означающая, что любая малая часть голограммы, объем которой позволяет вместить полную дифракционную картину, содержит информацию обо всем образе в целом. Художественное познание входит в тело гуманитарного знания, предметом которого являются собственно человеческие (гуманитарные) смыслы и ценностные представления, обретающиеся в «символическом теле» культуры. Преобладающим способом освоения художественного познания и знания является понимание и нарративное изложение. Однако за последнее десятилетие возникло новое направление, завоевавшее свое место

в гуманитарных междисциплинарных компьютеризированных исследованиях: digital humanities – цифровые гуманитарные науки или цифровая гуманитаристика. Это в известной мере сближает гуманитарные науки, и в том числе художественное познание, с научным познанием, традиционно связываемым с естественно-научным познанием. А отмеченное выше свойство голографичности художественного познания отмечается и у научного познания в таком его направлении, как синергетика.

Предмет научного познания тяготеет в его классическом варианте к объективной, истинностной картине мира, категориальному выражению закономерностей окружающего мира, который доступен строгой формализации и цифровой выразимости. Классический вариант научного познания сегодня является одной из его возможностей, наряду с неклассическими и постнеклассическими способами научного познания. Усложнение предмета научного познания (простые, сложные саморегулирующиеся и сложные саморазвивающиеся системы) само потребовало адекватных способов освоения. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности, поэтому требуются дополнительные усилия для их согласования при изучении сложно организованных предметов исследования. В постнеклассике был сделан новый шаг в осмыслении ценностно-целевых структур научного познания и их социокультурной обусловленности. Последнее в значительной степени привело к тому, что жесткая граница между естествознанием и социально-гуманитарными науками сегодня стирается [11, с. 671–697].

Разворачивая далее тематический комплекс, заявленный в заглавии статьи, обратим внимание на дважды используемую сочинительную связку «и». «Она выполняет роль одновременно оператора и провокатора. Различая, визуально разводя по разные стороны всякое одно и другое, она вместе с тем навсегда их соединяет, связывает, делает невозможными любые высказывания, не учитывающие эту связь» [10, с. 4]. Связка «и», иногда заменяемая дефисом, имеет смысловую и визуальную формы выраженности – находится «между» во времени и пространстве существования всякой оппозиции. В нашем случае – между видимым и сущим, а также между предметами художественного и научного познания. Что, соб-

ственно, и было отмечено при, пусть кратком, изложении особенностей предметов художественного и научного познаний.

А теперь обратимся к ракурсу рассмотрения вышеуказанного комплекса тематизации – ракурсу творческой личности.

Хронотопия творческой личности находит свое выражение (обретает видимость) в момент «невозможной возможности» (М. К. Мамардашвили) схватывания сущего, перекодируя его в экзистенциалы существования, делая их видимыми, наблюдаемыми, в зависимости от прилагаемых обстоятельств культуры своего времени. ...От, в свою очередь, контекстной обусловленности самой культуры, от множественных и взаимозависимых путей толкования и понимания ее философии. Сопоставляя понятия «личность» и «культура», можно согласится с существующим мнением, что это понятия, сопряженные по смыслу. Процесс «самостоятельного» личности ориентирован на культурные универсалии. Это значит, что индивид проходит в своем духовном развитии путь, проложенный культурой, но проходит по-своему (свободно), уникальным, неповторимым образом, иногда сбиваясь с этого пути и возвращаясь на него, прорываясь вперед (опережая культуру) и откатываясь назад (восставая и бунтуя против культуры); культура же, испытывая на себе реакции индивидов, удерживает свои универсалии до тех пор, пока эти реакции не превосходят своим отрицанием силу культурного воздействия. В этом непрерывном взаимодействии осуществляется противоречивое единство (смысловая дополнительность) личности и культуры [9, с. 219–220]. «Смысл же понимается как такое дискретное психическое состояние, которое способно быть социально транслировано в кодах. При этом смысл, в отличие от знака, имеет, помимо денотативной, экзистенциальную и генетическую компоненты. Экзистенциальная связана с режимами переживания, а генетическая – с цепочкой происхождения и выведения одних смысловых конструктов из им предшествующих» [7, с. 148]. Сложная структура смысла кодифицируется, оставляя видимым компонент, востребованный временем культуры: денотативный, экзистенциальный или генетический – как некоторый канон.

В общей истории художественного опыта человечества каноническое искусство, канонический принцип в культуре играет огромную роль. Ю. М. Лотман считал, что «вряд ли имеет смысл

рассматривать его как некоторую низшую или уже пройденную стадию. И тем более существенно поставить вопрос о необходимости изучать не только его внутреннюю синтагматическую структуру, но и скрытые в нем источники информативности, позволяющие тексту, в котором все, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [5, с. 314–321]. Специально исследуя информационно-семиотический аспект канона, он полагал, что канонизированный текст организован не по образцу естественного языка, а «по принципу музыкальной структуры», поэтому выступает не столько источником информации, сколько ее возбудителем. Канонический текст по-новому организует имеющуюся у субъекта информацию, «перекодирует его личность» [5, с. 314–321], что находит свое выражение в поступках, линии поведения, в приверженности к тем или иным культурным ценностям и в других внешних проявлениях.

Итак, дилемма соотношения видимого и сущего в философии культуры остается самоорганизующим аккомпанементом как для нее самой, так и для воспринимающей ее личности.

Культура сегодня все чаще рассматривается как некая сложная информационная система, в которой в роли переносчиков семантической, прагматической, эстетической информации выступают особым образом организованные и структурированные материальные объекты: произведения искусства, научные труды, религиозные знаки и т. д. То, что делает культуру видимой. Связь с сущим не утрачивается, а множится в различных ее формах. В первую очередь, речь идет о языке, поскольку на языке говорит культура. Он служит первым катализатором культуры, содержит ресурс, более мощный, чем простая имитация, отождествляющая видимое с сущим. Здесь «не работает» «эстетика тождества». Связь высказанного с видимым обладает способностью распространять знание через абстракцию, кодирование, опосредованно соотносясь с сущим. Фиксируя момент опосредования, мы тем самым усложняем и умножаем формы взаимодействия между видимым и сущим, увеличиваем информацию. «Все, что нам важно, лежит где-то посередине – там, где соединяются порядок и случайность» [2, с. 376]. Обратим особое внимание на источник трансформации творческой личности, на информационный парадокс порождения нового в канонических текстах. «При ре-

шении вопроса, откуда же берется информация в текстах, вся система которых по условию наперед предсказуема (ибо именно повышение предсказуемости составляет тенденцию канонизированных текстов), необходимо учитывать следующее.

Во-первых, следует различать случаи, когда ориентация на канон принадлежит не тексту как таковому, а нашему его истолкованию.

Во-вторых, следует учитывать, что между структурой текста и осмыслением этой структуры на метауровне общего культурного контекста могут быть существенные расхождения. Не только отдельные тексты, но и целые культуры могут осмыслять себя как ориентированные на канон. Но при этом строгость организации на уровне самоосмысления может компенсироваться далеко идущей свободой на уровне построения отдельных текстов. Разрыв между идеальным самоосмыслением культуры и ее текстовой реальностью в этом случае становится дополнительным источником информации» [5, с. 320].

Объединяя физику XX и XXI вв., Дж. А. Уилер, последний живой коллега и Эйнштейна, и Бора, выразил свой манифест тремя словами: «Все из бита». Информация порождает «все сущее – каждую частицу, каждое силовое поле, даже сам пространственно-временной континуум» [2, с. 18]. Что такое бит? Он является минимальной единицей, абстрактной сущностью, переключающейся по типу «да – нет». Между «да» и «нет» рождается та самая промежуточность, которая в информации связана с интерпретацией. То есть эта формализованная часть информации (бит) вынуждает человека решать, что есть «да», а что – «нет» и что между ними. Важно в данном случае различие между информацией и ее смыслом, что дает простор для философа. «Инженеры предоставили такую возможность и бросили философам вызов: понять, как может развиваться смысл; как жизнь, оперируя информацией и кодируя ее, переходит к интерпретации, вере и знанию» [2, с. 444].

Здесь необходимо перейти к парадоксам информационного наблюдателя. Он не только наблюдает, но и участвует, задает вопросы, влияет на результат эксперимента и определяет, что представлено битами. Биты нуждаются в осмысляющей интерпретации. Двойная функция информационного наблюдателя – зародыш творческой личности. Последний обретается «в ситуации полагания дуальных субъектно-объектных отношений». Они-то затем

и становятся для человека универсальным кодом мировосприятия и “программой” его адаптации в мире. Дуальные отношения, имеющие целью достичь целостно переживаемое единство *с другим*, осуществляются посредством *партиципации* (экзистенциального природнения) – особого психического состояния, в котором сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо, изначально ему иноположенным» [7, с. 149–150].

Кодификация канонов. С каждым изобретением или установлением новых канонических форм в таких областях, как философия, эстетика, логика, филология, искусство и пр., культура теряет в своем единстве, зато выигрывает в многообразии и сложности. Парадокс в понятии канона состоит в том, что канон применяется и как движущая сила автономии, и как движущая сила подчиненности целому, другими словами, допустимо иметь в виду иерархию канонов применительно к каждому конкретному случаю или ситуации, что, безусловно, их усложняет. Сегодня все больше и больше говорят о теории сложности, о философии сложности, потому что очень много параметров, которые мы должны обсуждать, глядя на сложноорганизованную природу современных предметов познания, будь это художественный или научный тип познания [4, с. 278–192]. Упростить (редуцировать) сложность в некоторых случаях невозможно без утраты смысла и сущности изучаемого предмета. Поэтому мы должны учитывать сложносоставляющий системный подход к культурологии, о котором сегодня говорили Л. А. Зац и Т. С. Злотникова. «Дело в том, что в случае канона речь никогда не идет о само собой разумеющихся нормах (каковы, например, нормы грамматической приемлемости), а о норме особого, не разумеющегося само собой совершенства. Поэтому канон – это кодекс второй степени. Он накладывается извне, или “сверху”, то есть в форме стороннего законодательного урегулирования, на следующие собственным законам (и в этом смысле “естественные”) системы правил социальной коммуникации и смыслообразования. Мы только тогда говорим о “каноне”, когда смысловые кодексы первого порядка, лежащие в основе всякой социальной коммуникации, переоформляются “оценочными кодексами второго порядка”» [1, с. 123–124].

Развивая сказанное выше, уместно обратиться к мультисубъектной теории личности, которая дает возможность помыслить смысловое ядро

творческой личности. Совокупность субъектов, образующих личность, в процессе ее развития превращается в целокупность, – единство в многообразии субъектов, олицетворяющих индивида, единомножие его «Я». При этом рождается всеобщее, трансфинитное («актуально-бесконечное») «Я». Продвижение к этому идеалу подразумевает моделирование («проигрывание») индивидом особенностей поведения субъектов, «живущих» в нем и вне его, а также построение сложных «эго-систем», совместно принимающих решения [8]. Эта идея известного психолога В. А. Петровского объединяет в себе три концепции: концепцию надситуативной активности, концепцию инобытия и концепцию дуализма. Двойственность самосознания индивида предполагает единство (но не тождество) *я в себе и для себя, я в другом и для другого*. Насколько сложная конгломерация того, что испытывает творческая личность, когда выходит на проблему решения себя, соотнося то, что ей очевидно и видимо в окружающей действительности, с тем смыслом, который на протяжении жизни динамически самонастраивается и меняет свои формы выражения. Одной из форм указанного соотношения может быть разработка проектной культуры, в основе которой лежит рефлексия творческой активности. Последняя проявляется в признании роли сознания и воли в проектном творчестве в единстве личной творческой активности, с одной стороны, и жизненного пути и окружения творческой личности – с другой. Рефлексивность означает здесь возможность свободного, самосознательного и самопроизвольного, намеренного осуществления проектного действия, проектирования как способа существования, в котором сходятся, пусть в момент встречи, видимое и сущее. Концептуализированная проектность основана на синергии, остранении и со-действии личного и надличного, природного и начал культуры [2].

Чтобы это состоялось, требуется «способность и усилие человека быть, владение живыми различиями, непрерывно, снова и снова возобновляемое и расширяемое. В противном случае с любых высот можно упасть». «Понимание начинается с того момента, когда ты оказываешься в ситуации ясного сознания перед лицом некоей *невозможной возможности*. То есть ясного сознания “должного”, человеку “подобающего” и невозможности именно этой возможности! Когда от тебя требуется *мужество невозможного*. Мысль отсюда! Если угодно, “жизнь моя решает-

ся”, как и то, каков мир, вместе с мыслью» [6]. Пребывание на кромке возможного дается мужественному человеку, становящейся личности, которой дано в обыденной очевидности увидеть просвет сущности. Парадоксальность человеческого существования, выраженного в неизбежной его дуальности, имманентная черта культуры, которая в своем самосознании отслеживает моменты своего становления через разрешение соотношения видимого и сущего.

Послесловие. Поскольку настоящий текст в его устном изложении был представлен на конференции, о которой упомянуто в подзаголовке, автору были заданы вопросы. Возникший диалог представляется логичным продолжением размышлений и возможным побудителем для размышлений читателей, поэтому приводится ниже в качестве послесловия к статье.

Вопрос. Есть ощущение, что Вы не произнесли то слово, на которое я ссылалась у Маркса и Батищева, но ведь речь идет, фактически об опредмечивании, в разных вариантах, по-разному терминологически освещаемом, но этот момент тоже присутствует.

Ответ. Да, Вы правы, по сути, хотелось показать, как предметность в художественном и научном познании при всех их особенностях нацелены на сочетании видимого и сущего. Поэтому я и сказала, что мне очень важно было говорить после Вашего выступления. Определенное происхождение как в научном, так и в художественном познании с помощью воображения, домысливания, осмысления той видимости или, скажем, реальности, которая предстает как предмет познания перед лицом познающего, как сущее. В рассматриваемых формах современного познания происходит сближение при сохранении различия при обращении к ним с точки зрения информационного подхода, возможности оцифровки. Это создает эффект объективации, при сохранении субъективного компонента в способах познания творческой личности. Другими словами, формы опредмечивания, как и перманентного распределенного, необходимого в развитии познания, могут быть разными, но это сквозная линия творческой личности, ее поведения, и выбор пути всегда есть, но на пределе возможности.

Вопрос. Текст уже предстает в форме соединения двух типов восприятия познания или же это происходит с произведением, которое попадает в пространство тотальной оцифровки? Что эпоха цифры дала? Сближение двух путей,

о которых говорилось?.. Это просто технология, или это изменение самой сути того текста, который этому процессу подвергается?

Ответ. Разведем оппозицию: оцифрование как чисто технический прием и то другое, что я хотела бы обозначить функцией творческой личности, – осмысление и интерпретацию. Цифра, сама по себе, для того введена человеком, чтобы помочь осмыслить. То есть мы ушли от сложности осмысления, приписав цифре возможность говорить «да» или «нет». Но успех, эйфория оцифровки уже проходит. Она сделала свое позитивное дело – мы узнали ее возможности и ограничения. Мы в известной мере овладели ею, освоили, присвоили себе, исходя из своих возможностей на сегодняшний день... Каким образом? Мы поняли, что это дает и чего это, в принципе, не может дать. Мы находимся всегда в этом «и» или «между», когда решаем парадоксы, о которых я сегодня пыталась говорить. Крайности нам нужны, но только для того, чтобы понять, что эти крайности нуждаются в ином, дополнительном ее выражении. Спасибо ей, что она есть и указала, что стоит за нею.

Вопрос. Хочу сделать комплимент. Форма абсолютно соответствовала содержанию, идее, которую вы несли, настолько заразительно и детально, что хочется бежать за Вами. Прозвучала важная для Вас тема, насчет канонов у Лотмана. Но если мы возьмем те информационные потоки, в которых живем, все-таки канон – это предустановленный порядок, в рамках которого мы получаем свободу. Но сегодня мы часто живем в свободе без предварительного порядка. Как с этим быть? Это как бы другая крайность бытия.

Ответ. Канонизация, или кодовое обозначение тех или иных феноменов, о которых мы говорим в рамках культурологии, нам нужны и, главное, они есть. ...Чтобы понять, куда мы движемся и в какую неопределенность мы опускаемся за счет нестандартных подходов, которых требует от нас жизнь, или те проблемы, к которым мы решили выйти навстречу, здесь нестандартизация, невозможность оцифровать и формализовать до конца – это вызов и провокация нашего времени, которая нас вынуждает быть или не быть. Канонизация – это некая парадигмальная установка, существующая на сегодняшний момент, которая предлагает разрешение в нашей терминологии сочетание видимого и сущего, находящееся в предметности нашего исследовательского интереса. Но стоит отметить, что современные парадигмы научного познания отличаются тем, что

они открыты к изменению. Канон, как некая парадигмальная установка в классическом смысле, дает некую инерцию видимым образом уйти от него, но иметь его за кадром, как точку отсчета изменения и различия. Это своего рода обратная связь. Правда, скорее всего, мы никогда не вернемся в ту самую точку, откуда пришли, и заметить этот зазор и несовпадение – это и есть момент творческой личности, в чем мы совпали, и от чего мы все-таки ушли. Тожественность и имитация – это возможный прием, но не универсальный. Универсальность состоит только в том, чтобы видеть движение от канона. Канон современный, по-моему, должен допускать эту возможность, я так понимаю сегодняшний канон, парадигмальность. В философии науки много говорят о парадигме, парадигмальности, что это такое? Это большой разговор, и отчасти, говоря о каноне, я имела в виду то, что понимаю под парадигмой.

Вопрос. Канон представляет собой свод правил. Правильно ли я понял, что надо не отказываться от канонов, а начать их каким-то иным образом применять, по обстоятельствам?

Ответ. Вы абсолютно правильно поняли, потому что канон претендует на некую универсальность, всеобщность, это его призвание, это код к той или иной культуре, это нечто установившееся и общепринятое сообществом. Но при этом то же самое сообщество состоит из отдельных личностей, которые в целях применимости его на практике соглашаются: мы сегодня будем следовать этому стандарту, канону, своду норм и правил. В то же время сегодня жизнь таким образом выстраивает наши опыты, наши практические действия, что становится очевидно: если мы будем слепо следовать букве закона, ответов мы увидим сколько угодно. Отсюда практическая настроенность на применимость канона, на философию и конкретное ее приложение... Современная философия, как я вижу, выстроена на сочетании общего утверждения с конкретным, практическим – конкретное и практическое проверяет инверсивную обращаемость. Это называется философией трансдисциплинарности. То есть это некая база удержания дисциплинарного отношения к возможности выйти за ее пределы. Это двойная функция наблюдателя, творческой личности: иметь в виду видимость, при этом удерживать конкретное ее воплощение, подправлять то и другое одновременно, исходя из понимаемого сегодня смысла сущего. Теория «подправляется» за счет практического действия,

а практическое действие обязательно нуждается в рефлексии и теоретической оценке. Мы всегда должны быть очень организованны, мобилизованы на действие, если мы готовы, если мы можем быть.

Библиографический список

1. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 111–138.
2. Генисаретский, О. И. Проектная культура и концептуализм [Электронный ресурс], О. И. Генисаретский // Сборник научных трудов ВНИИТЭ. – 1987. – № 52 : Центр гуманитарных технологий. – 16.08.2006. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2682>
3. Глик, Дж. Информация. История. Теория. Поток [Текст] / Дж. Глик. – М. : АСТ: CORPUS, 2016.
4. Киященко, Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) [Текст] / Л. П. Киященко // Философия науки. Вып. 18: Философия науки в мире сложности / отв. ред.: В. И. Аршинов, Я. И. Свирский. – М. : ИФ РАН, 2013.
5. Лотман, Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 314–321, 16–22.
6. Мамардашвили, М. К. Если осмелиться быть [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили. – Режим доступа: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/mamarda_shvili_kult.html (дата обращения 16.03.2017)
7. Пелипенко, А. А. Идентичность: смыслогенетические основания [Текст] / А. А. Пелипенко // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IY.
8. Петровский, В. А. Мультиобъектная теория личности [Текст] / В. А. Петровский. – Режим доступа: www.socionic.ru/index.php/m/5360-multisubektnaya_teorija_lichnost (дата обращения 16.03.2017)
9. Порус, В. Н. Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры) [Текст] / В. Н. Порус. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
10. Смысл «и» выражение: контроверзы современного гуманитарного знания [Текст]: сб. статей и выступлений. – Самара : Двадцать первый век, 2001.
11. Степин, В. С. Теоретическое знание [Текст] / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Bibliograficheskiy spisok

1. Assman, Jan. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Tekst] / Jan Assman; per. s nem. M. M. Sokol'skoj. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 111–138.
2. Genisaretskij, O. I. Proektnaja kul'tura i konceptualizm [Jelektronnyj resurs] , O. I. Genisaretskij // Sbornik nauchnyh trudov VNIITJe. – 1987. – № 52 : Centr gumanitarnyh tehnologij. – 16.08.2006. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2682>
3. Glik, Dzh. Informacija. Istorija. Teorija. Potok [Tekst] / Dzh. Glik. – M. : AST: CORPUS, 2016.
4. Kijashhenko, L. P. Prostota slozhnosti i slozhnost' prostoty (mernost' razlichenija) [Tekst] / L. P. Kijashhenko // Filosofija nauki. Vyp. 18: Filosofija nauki v mire slozhnosti / отв. red.: V. I. Arshinov, Ja. I. Svirskij. – M. : IF RAN, 2013.
5. Lotman, Ju. M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradoks [Tekst] / Ju. M. Lotman // Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Serija «Mir iskusstv»). – SPb. : Akademicheskij proekt, 2002. – С. 314–321, 16–22.
6. Mamardashvili, M. K. Esli osmelit'sja byt' [Jelektronnyj resurs] / M. K. Mamardashvili. – Rezhim dostupa: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/mamarda_shvili_kult.html (data obrashhenija 16.03.2017)
7. Pelipenko, A. A. Identichnost': smyslogeneticheskie osnovanija [Tekst] / A. A. Pelipenko // Voprosy social'noj teorii. – 2010. – T. IY.
8. Petrovskij, V. A. Mul'tisub#ektnaja teorija lichnosti [Tekst] / V. A. Petrovskij. – Rezhim dostupa: www.socionic.ru/index.php/m/5360-multisubektnaya_teorija_lichnost (data obrashhenija 16.03.2017)
9. Porus, V. N. Perekrстки metodov (Opyty mezhdisciplinarnosti v filosofii kul'tury) [Tekst] / V. N. Porus. – M. : «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2013.
10. Smysl «i» vyrazhenie: kontroverzy sovremenogo gumanitarnogo znanija [Tekst]: sb. statej i vystuplenij. – Samara : Dvadcat' pervyj vek, 2001.
11. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie [Tekst] / V. S. Stepin. – M. : Progress-Tradicija, 2003.